РЕНЕ ПОЛЛЕШ:

Рене

Культура. – 2005. – 17–23 марта. – С. 15

23.03.05.

Мне нравится быть "бедой немецкого театра"

Еще лет десять назад Рене ПОЛЛЕША называли драматургом будущего столетия. Писали, что в его пьесах возникает необычная ткань из политических высказываний, антиглобализма, современной лексики и молодежной поп-культуры. А он, выслушивая похвалы, отвечал, что недоволен постановками своих пьес. Прошло несколько лет, и драматург освоил режиссерскую профессию, собрал группу актеров и стал вместе с ними ставить свои пьесы. Их выступления чаще всего заканчиваются долгими дискуссиями: зрители не хотят уходить, продолжая обсуждать затронутые в спектакле проблемы. Теперь Поллеш в своих интервью называет современный немецкий театр "театром представления" и критикует известных режиссеров. После премьеры его новой пьесы "Мистическое обаяние буржуазии, приобретающей богатство", которая состоялась в гамбургском Шаушпильхаузе, с драматургом-режиссером встретился корреспондент журнала "Шпигель".

– Господин Поллеш, вас называют человеком, сумевшим обновить политический театр. Но в ваших спектаклях актеры постоянно шутят, ведут себя нелепо, и зрители смеются над ними. Вам это не мешает?

– Нет, мне нравится, когда на сцене шутят. Но я не думаю, что зрители приходят только посмеяться. Они знают, что в моих спектаклях поднимают волнующие их темы: взаимоотношения гетеро- и гомосексуальных пар, попытки людей найти общий язык и попытаться создать семью.

– Вы, подобно диск-жокею, стоящему за пультом, смешиваете в своих пьесах статьи из психологических журналов, теории Мишеля Фуко или Жака Лакана. Актеры в ваших спектаклях то истошно орут, то шепчут текст так, что зрители его едва различают. Почему вы не разрешаете им играть так, как принято во всех театрах?

– Я ненавижу обычную театральную манеру произносить текст. Она сводит к нулю смысл моих пьес. Они написаны не для того, чтобы актеры демонстрировали свои голоса и внешность, а чтобы вызвать конфликт зрителей и актеров. Чтобы зал на спектаклях возражал, возмущался, кричал.

– Означает ли это, что вы против режиссерского театра?

– Меня гораздо больше интересует театр, где можно вести дискуссии, что-то обсуждать. Режиссер хочет преобразовать текст пьесы. Считается, что он либо вступает с ним в диалог, либо противоречит ему, либо меняет пьесу до основания. Но на самом деле режиссер просто пишет свою собственную пьесу по мотивам той, что написал автор. Меня это не устраивает.

– Почему название вашей новой пьесы "Мистическое обаяние буржуазии, приобретающей богатство", так перекликается с названием фильма Бунюэля "Скромное обаяние буржуазии"?

– Я воспользовался темами, обсуждавшимися в этом фильме. Глупо все время выдумывать какие-то новые истории. Когда я пишу пьесы, я думаю не об оригинальности. Мне хочется, чтобы со сцены говорили о том, что сейчас меня интересует, о том, что я недавно прочел, посмотрел. И пытаюсь философски переосмыслить все это.

– Вы написали более ста пьес, где рассказываете о деньгах и любви, о взаимоотношениях людей в капиталистическом обществе. Правы ли те, что называют вас "последним представителем антикапиталистического театра"?

– Не думаю. Я не участвую в политическом движении. Я не противник глобализации, не феминист и не антикапиталист. Я даже никогда не выступал с призывами реформировать театр. И мало похож на режиссера Шилингсифа, который рвется возглавить Немецкий театр.

– И все же вы пишете, что пора "освободить современный мир от масок" и сейчас все в нем подчиняется абсурдным "ритуалам накопления денег".

– Я только ставлю вопросы. Что является движущей силой неолиберальньной политики? Не используют ли ее для того, чтобы еще больше контролировать общество? И одновременно переложить ответственность с государственной машины на человека, говоря ему: ты слишком бездарен, и если что-то не так – это не социальная система дала сбой, а ты не справился со своей задачей.

– Ваши актеры понимают, о чем они говорят?

– Конечно. Но мне не нужно, чтобы зрители, приходя на мои спектакли, предварительно прочитывали гору книг. Помните, как Петер Штайн в 70-е и 80-е годы требовал, чтобы зрители, собираясь на его спектакли, прочли те же книги, что прочел он. Я не думаю, что зритель должен быть таким начитанным, а театр столь элитарным.

– Как вы относитесь к тому, что "Франкфуртер Альгемайне" называет вас "бедой немецкого театра"?

– Это меня очень радует. Я всегда хотел быть бедой.

– Для кого?

– Для театра представления – театра, который критикует современную жизнь, стараясь при этом выглядеть как можно эффектнее. Недавно мы разговаривали с одной из известных актрис, и она сказала, что в наших спектаклях ей нравится искренность, но не хватает театральной формы. Я считаю, что эта внешняя, эффектная форма губит на сцене естественность и мешает актерам быть искренними.

– А может, она права? Ведь основная часть публики приходит в театр, чтобы наслаждаться театральной интерпретацией пьесы и игрой актеров?

– Ко мне это никак не относится. Я не работаю в государственном театре и не должен думать о том, как наполнить кассу и привлечь побольше публики. В Берлине и в Гамбурге на мои спектакли приходят зрители, которых интересуют те же проблемы, что и нас. Получается, что мы рассказываем о себе. Мы находим тему, которая нас волнует, и играем спектакль, связанный с этой темой. Профессиональные актеры ведут себя на сцене иначе. Помню, я как-то смотрел спектакль по пьесе Максима Биллера о людях, погибших в трейлере, где перевозят мороженое мясо. Они не смогли открыть дверь и умерли от холода. Одну из ролей играл известный немецкий актер. Ему уже исполнилось пятьдесят, и, выходя на сцену, он все время старательно втягивал живот. А я смотрел на него и думал: что его на самом деле волнует? Проблема его героя или собственный живот? Я не исключаю, что, готовясь к этой роли, актер очень много пережил и перечувствовал. Но меня это не волнует.

Иной раз актер играет в пьесе Ибсена или Брехта, красиво движется, что-то говорит, а я смотрю и думаю: зачем он вышел на сцену?

– Но обычно зрители находят соответствие между конфликтами, которые переживают герои театральных пьес и своими собственными проблемами.

– Получается, что театр – это какая-то разновидность спорта. Человек идет в театр для того, чтобы посмотреть, проиграет или выиграет актер и проиграет или выиграет режиссер. А иногда во время спектакля они еще что-то замечают. Режиссер может сказать: "Мои дела идут паршиво, поставлю-ка я "Разбойников" Шиллера. А если спектакль провалится, во всем виноват Шиллер".

– Правда ли, что в ваших спектаклях актеры сами определяют, как им вести себя на сцене?

– Мне нравится, когда спектакль создает не режиссер, а группа людей, которая над ним работает. Тогда мне не приходится решать: если мы играем жестокую, грубую сцену, можно бить актрису или нельзя. Или что на ней должно быть надето, если она по ходу действия становится жертвой насилия. Мне сложно ставить такие эпизоды. Совместно работая над спектаклем, мы обсуждаем их. Кто-то из актеров говорит, что актрису нужно раздеть, кто-то высказывается против. В конце концов, мы находим решение. Это хорошо, когда во время репетиций можно говорить друг другу то, что думаешь.

– Значит, вы считаете, что многие спектакли, которые нравятся зрителям и критикам, например "Лулу" в постановке Петера Цадека, поставлены неверно, поскольку это режиссер решил, что нужно раздеть исполнительницу главной роли Сюзанну Лотар?

– Да, конечно. Как можно мириться с режиссерами, которые считают себя единственными создателями спектакля и заботятся прежде всего о том, чтобы актеры выполняли то, что они предлагают? Я бы это запретил.

– Но "режиссерский театр" – это же одно из основных понятий театрального искусства.

– Значит, этим устаревшим понятием можно все объяснить и оправдать? Еще добавьте к этому, что искусство требует жертв. По-моему, все это неверно.

– Но именно такие режиссеры ставят спектакли в больших театрах в Берлине, Вене, Цюрихе, на Зальцбургском фестивале. Вы называете их искусство "устаревшим", значит, вы считаете себя авангардистом?

– Я очень недоверчив, и мне некогда думать о том, авангардист я или нет. После первых успехов я подумал, что зрители, которые видели мои спектакли, стали иначе относиться к театру. Но затем я заметил, что они по-прежнему с удовольствием смотрят театр представления. Я должен преодолеть это противоречие.

Фото из журнала "Шпигель"

Сцена из спектакля

По материалам журнала "Шпигель" подготовила Ольга РОМАНЦОВА